

ЭДУАРД АНАТОЛЬЕВИЧ ОВЕЧКИН

**АКУЛЫ
ИЗ СТАЛИ
5 В 1**

Издательство АСТ
Москва

АКУЛЫ ИЗ СТАЛИ

Путь (от автора)

При выборе определённого жизненного пути вы должны помнить одну штуку: путь тоже выбирает вас. Или не выбирает. В зависимости от этой взаимности вы потом и будете по нему идти. Если путь вас не выбрал, будет это тяжело и мучительно. Наверняка и с сожалениями о том, что вы по нему пошли. А если путь выбрал вас, тоже всё будет трудно, но вспоминать потом о нём вы будете с теплом где-то в глубине своей души. Если, конечно, не бросите его. Бросить захочется наверняка. Даже путь праздности, роскоши и богатства некоторым надоедает, так что уж о наших путях говорить, правда? И путь будет вам мстить, если вы его не пройдёте до конца, знайте об этом. Если причина покажется ему весомой, то он просто заложит в вашу душу уголёк сожаления, который будет тлеть всегда, то затухая, то разгораясь, но никогда не погаснет совсем.

Поэтому я вам хочу сказать перед началом своего рассказа: если выбрали путь, то пройдите его обязательно до конца или хотя бы до ближайшей логичной развилки.

Старпом наш, помню, говорил минёру, когда учил его управлять кораблём в надводном положении:

— И запомни — никогда не елозь! Главное правило человека, который управляет кораблём, — не менять своего решения во время выполнения манёвра. Правильное решение, неправильное — неважно. Принял, отринул сомнения и действуй! Хули ты там орёшь на мостике: «Правый галс, левый галс, руль туда, руль сюда, турбинам крутиться, турбинам не крутиться, торпеды пли, ой, бля, не пли, не пли!» Что это за маневрирования такие, а?

Очень подходящий девиз для жизни, я считаю.

А рассказать я вам хочу про Александра Сергеевича.

Вернее, рассказать-то я про него хочу давно уже, но всё никак не решусь, всё жду, когда достигну такого уровня писательского мастерства, что вы читать будете и плакать. Но вдруг не достигну? Поэтому пусть будет как получится, а потом перепишу.

Родился Александр Сергеевич 24 октября 1955 года в городе Подольске. В 1979 году окончил ВВМУПП¹ им. Ленинского комсомола и с 1984 года начал свой славный путь в 18-й дивизии АПЛ СФ² в должности командира БЧ-2 (ракетной). К 1994 году, когда я попал в 18-ю дивизию, он был командиром отстойного крейсера ТК-202, где мы с ним и познакомились, пока торчали с другим лейтенантом-электриком Максимом в ожидании возвращения нашего родного экипажа ТК-20 из отпуска. А потом уже и Александра Сергеевича назначили к нам командиром.

И ровно с того самого дня и до сих пор, когда я слышу слова «долг», «честь» и «верность», я вспоминаю Александра Сергеевича. Но не потому, что он часто произносил эти слова, наполняя их

¹ ВВМУПП — Высшее военно-морское училище подводного плавания.

² АПЛ СФ — атомные подводные лодки Северного флота.

пафосом и ненужной бравадой, а потому что он всегда был верен своему Долгу и с Честью шёл по выбранному им Пути. Вы даже не представляете, как мы его любили, как мы ему верили и как мы были ему преданы. Вот если бы, например, сказал нам президент страны: «Ребята, надо сделать мёртвую петлю на лодке, вот позарез прямо», то мы, скорее всего, подумали бы, что он сошёл с ума, и решали бы, как отвертеться от этого безнадежного занятия. А если бы нам сказал то же самое Александр Сергеевич, то мы бы начали готовиться к успешному выполнению этой задачи под его командованием, не подвергая его слова сомнениям.

Тогда время-то было поганое самое. Никаких ориентиров, никаких моральных принципов, никакой Родины — «воруй, бей, еби гусей» сплошное. Вот Александр Сергеевич и олицетворял для нас Родину в тот момент — не больше, но и не меньше! Он был таким, знаете, как скала: большим, спокойным, сдержанным, всегда охотно смеялся и редко повышал голос вообще. Крайне интеллигентный, умный, спокойный (да, я знаю, что повторяюсь), выдержанный до предела. Умел найти нужные слова в нужный момент, как никто другой. Не позволял себе никакого панибратства, всегда чётко держал дистанцию, хотя мог и выпить с офицерами в гараже на посиделках, и был любим и уважаем своими подчинёнными.

Мы с ним вдвоём выходили в море первый раз на ТК-20. Он — недавно назначенным командиром, а я — только что сдавшим зачёты лейтенантом. Со мной должен был идти старший товарищ, но по каким-то причинам сделать этого он не смог, и пошёл я сам.

— Ссышь, лейтенант? — спросил меня командир во время приготовления корабля к бою и походу.

— Никак нет, тащ командир! — дрожащим голосом ответил я.

— Ссышь, но бодрисься и не показываешь виду? Молодец!

А потом мы пошли в автономку в августе. Нас прям умоляли все сходить в эту автономку, так надо было показать всему миру, что России не пиздец, хотя ей был тогда полный пиздец, что вот «ребята-на-вас-смотрит-вся-страна» и всё прочее. Да по хуй было этой стране на нас, мы-то понимали, но Александр Сергеевич сказал:

— Я намерен выполнить поставленную задачу, чего бы мне это ни стоило. Кто не хочет, пишите рапорта — подпишу всем не глядя, уговаривать никого не собираюсь.

У него манера такая была, он когда думал или говорил что-то действительно серьёзное, всегда немного склонял голову влево и вниз, к плечу. Вот мы по наклону головы его настроение и определяли. Если склонил — то всё, считай, опять подвиг надо совершать.

В той автономке мы впервые в истории человечества запустили баллистическую ракету из района Северного полюса. По возвращении Александра Сергеевича представили к званию Героя Российской Федерации, но звезду получил не он, а один адмирал из штаба флотилии, который выходил с нами на месяц старшим на борту. И так его не любили за то, что был мудака и быдло, а после этого вообще и не здоровались с ним, ни поодиночке, ни строем. Это, кстати, был второй человек за всю историю крейсера ТК-20, который уселся в командирское кресло. Традиция была такая на «Акулах» незыблемая — в кресле командира сидел только командир. Ни командир дивизии, ни командующий флотилией или флотом никогда в него не садились — традиции на флоте чтут и уважают. Только министр обороны Грачёв в него сел, но что с него взять — он же десантник и даже не знает, как правильно погладить гюйс! И вот этот мудака тоже всегда плюхался в кресло командира своей толстой жопой. Я, когда первый раз увидел, аж рот открыл и смотрю на старпома, а тот так рукой махнул обречённо и скривился. Мол, что с мудака взять — мудака, он и есть мудака.

Александр Сергеевич не показал вида, что расстроился или обиделся за это на Родину. Родину он любил, научил и меня понимать, что Родина — это Родина, а не та кучка бюрократов, которая ей управляет в данный исторический момент. Жил он очень аскетично. Если вы смотрели фильм «Русская Акула», то вы видели его квартиру такой, какой она была всегда. Он жил кораблём и своим

экипажем. Мне даже трудно понять тот груз ответственности, который лежал тогда на его плечах, и тот багаж знаний, который был в его голове. У нас в экипаже была самая низкая текучка, хотя тогда с флота бежали все, а к нам, наоборот, просились в экипаж. И это только его заслуга, я считаю. А какие задачи мы выполняли! Да любые практически! Вот какие ни ставили перед нами, такие мы и выполняли.

Например, в 1997 году мы дважды стреляли полным боекомплектом ракет с целью их утилизации методом подрыва в воздухе. Я не знаю, понимаете ли вы, насколько это сложная и опасная задача — стрелять из подводного положения баллистическими ракетами, у которых не то что срок эксплуатации — а срок хранения на складах истёк! В интернете эти ролики тоже можно найти — тогда с нами ходили суда сопровождения с американскими наблюдателями на борту. Наш флагманский ракетчик, который был с американцами, рассказывал, что сначала американцы спорили чуть ли не на полуостров Аляска, что ничего у нас не выйдет и мы только зря погубим людей и корабль. А потом плакали, когда ракеты, одна за одной, выходили из-под воды.

— Отчего плакали-то? — спрашивал командир. — Аляску жалели?

— Нет, Саша! Они плакали и хлопали в ладоши, а потом трясли нам руки и говорили, что это же, блядь, какая гордость — быть свидетелями такого подвига, доблести, отваги, выучки и умения русских моряков! Вы же герои, Саша, понимаешь? Ты же герой, Саша! Я, блядь, уверен!

Александра Сергеевича, который осуществил два таких пуска, представили второй раз к званию Героя РФ. И все были уверены, что уж сейчас-то точно дадут, ну, потому что! Но не дали. Дали орден «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени и наградили именованным пистолетом. Поправьте меня, если я ошибаюсь, но даже у Пугачёвой с Леонтьевым ордена высшей степени, чем у Александра Сергеевича.

Но и это его не сломало! Он же не за награды служил, а потому что это был его Путь, который он сам выбрал, и шёл по нему так, как это и полагалось офицеру флота: без громких слов о любви к Родине, без пафоса и целований жоп, без лизоблюдства и приспособленчества, как мужик, понимаете? Не тот мужик, который популярен в теперешнем народе, а настоящий.

В 2013-м у него обнаружили злокачественную опухоль, её удалили, и он проходил курсы химиотерапии. Но потом в бедренной вене у него обнаружили тромб, удалили его. Лечение требовало корректировки и консультаций с зарубежными врачами. Собирали деньги в интернете всем миром, кто сколько мог, на лечение его в Израиле, но 15 февраля 2015 года Александр Сергеевич ушёл из жизни, не дожив даже до 60 лет.

Знаете, в этом есть что-то постыдное — собирать деньги на лечение командира самого ходового корабля 941-го проекта, который первым в мире стрельнул ракетой с восемьдесят восьмой широты... Которому, на секундочку задумайтесь, принадлежит мировой рекорд по количеству осуществлённых пусков баллистических ракет... И который является, пожалуй, самым результативным командиром атомной подводной лодки послевоенного периода СССР и Российской Федерации. Постыдное, конечно, не для людей, собирающих деньги, а для кучки чиновников, которая называет себя «государством» и «вбивает скрепы», «возрождает духовность», кричит о величии и мощи этой страны. Нет ни капли величия в этой кучке. Но есть Величие в людях, которые собирают последние крохи, чтоб помочь другому человеку.

Но знаете, я уверен — Александр Сергеевич никогда не жалел о том, что прошёл свой путь до конца. Да, он не заработал ни денег, ни славы, ни сытой жизни, ни здоровья. Но путь, который он показал тогда нам, путь Офицера и Человека, верного своему Долгу, спас многих из нас от опрометчивых решений и показал нам пример, на который можно равняться до конца своей жизни.

Все слова какими-то маленькими и корявыми кажутся, когда берёшься описывать Александра Сергеевича Богачёва. Вечная ему память и земля пухом!

Ошибка эволюции

Когда люди эволюционировали, то где-то на повороте этот в целом отлаженный процесс дал небольшой сбой, на который мало кто обращает сейчас внимание. А зря, потому как сколько неприятностей, начиная от Троянской войны и далее, можно было бы избежать — это же пальцев на всех руках не хватит сосчитать!

Вот для чего, скажите мне, все люди хотят быть красивыми? С какой такой благой целью? Вот на насекомых давайте посмотрим или на птиц с утками: там всё чётко — красивые только самцы, а самки все одинаковые, как ты их ни крути! Ну и какое это преимущество даёт, спросите вы, самцам насекомых перед людьми? Сейчас попробую объяснить.

Чтобы быть красивыми и иметь от этого какое-то преимущество, человечество придумало для себя ряд способов, которые работают железно для женщин: это чулки в сеточку, красная губная помада и вондер бра. Комбинируя эти нехитрые приспособления, любая практически самка человека повышает свои шансы на спаривание или брак раза в три-четыре. Тут следует признать, что коварные женщины мужчин обошли. Во-первых, заставив всё это им производить и — мало того — покупать за собственные деньги и дарить. А во-вторых, для мужчин таких однозначно эффективных средств просто нет. Может, они и есть, конечно, но наверняка какая-то специальная команда женщин-ниндзя отслеживает их изобретение и давит на корню, вместе с изобретателями.

Поэтому у мужчины, как ни крути, остаётся два крайне туманных и запутанных способа себя украсить.

Первый: научиться правильно расставлять знаки препинания в предложениях из трёх и более слов и без ошибок писать выражения типа «Ящетаю» — «Я считаю»; «Ух ты, какие сиськи!» — «У вас богатый внутренний мир!» и «Вот это жопа!» — «Февраль! Набрать чернил и плакать!». Но! Здесь нужно быть осторожным, потому как общение может затянуться и этих трёх фраз не хватит. Хорошо ещё, что специальный отряд женщин-ниндзя не обнаружил вовремя Чехова, Пастернака и Шишкина, и поэтому первому способу можно обучиться довольно легко, причём процесс обучения будет чрезвычайно приятен. Некоторые так им увлекаются, что даже и про цель забывают.

Второй: стать привлекательным внешне. Этот способ намного сложнее, так как тут специальные женские силы следят за ним в оба глаза, прочно закрепив в индустрии моды лобби из себя и гомосексуалистов. Они специально — чуть ли не каждый год — меняют понятия о мужской красоте на диаметрально противоположные, чтоб лишить бедных мужчин малейшей возможности доминировать.

Вот какое качество у мужчины должно быть явно выступающим, чтоб подчеркнуть его мужественность и наличие тестостерона в крови? Правильно — мужественность, но никак не красота же, согласитесь? Ну что красивого, а тем более мужественного, в бороде как у лесоруба, если ты

не лесоруб и, вместо того чтоб рубить лес, ухаживаешь за собой, как будто основная твоя задача — понравиться другим лесорубам? А в этих «тоннелях» в ушах или подвёрнутых штанишках на тонких ножках? А пиджачки вот эти вот, на два размера меньше необходимого для того, чтоб комфортно себя в нём чувствовать? И плюс борода с подбритыми височками. Это что — мужественно?

Как говорила моя тётя (мать двоих детей и бабушка троих внуков): «Мужик должен быть чуть красивее обезьяны. Хвост из жопы не торчит — всё, считай, Ален Делон!» Ну, в чём-то она была права. Правда, я для общей красоты добавил бы ещё сломанный нос и над маленькими глазёнками, желательного разного цвета и размера, — кустистые брови. Одно ухо можно чтоб было откушено хотя бы наполовину, второе — сломано. И шрам, само собой. Огромный шрам наискосок через всё лицо, чтоб вот прямо цепенела его женщина от ужаса, если он, не дай бог, захочет заняться с ней сексом в миссионерской позиции. Вот это я понимаю — мужественный мужчина. Но кто меня спрашивает, правда? И вот что делать бедным мужчинам? Лично мой совет: Чехов, Пастернак, Шишкин плюс чистые носки с не очень большими дырками.

Но погодите плакать от жалости к бедным мужчинам, поберегите слёзы до конца рассказа. Ведь сейчас я вам расскажу про класс мужчин, ещё более ущемлённых в своих возможностях, чем обычные мужчины. Хотя сейчас, возможно, вам уже кажется, что ну куда уж больше! А вот представьте: большое количество лиц мужского пола на пике репродуктивных функций их организмов собирают в одном месте, одинаково стригут и одевают в абсолютно одинаковую одежду, при этом ограничивая их выход из этого места до нескольких раз в год. А тестостерон у них уже в виде прыщей на лице торчит и течёт из носов с соплями. Вот что им делать, этим бедным курсантикам (а я веду речь про них), чтоб повысить свою внешнюю привлекательность и, соответственно, шансы на тренировки по продолжению рода? Вы, конечно, можете мне возразить, что чего я тут жалуясь, если сам рассказывал, что моряки — все сплошь красавцы? Ан нет! Всё вполне логично. Допустим, что вы юная девушка приятной внешности и гуляете в сарафане по площади Нахимова в Севастополе. Томик стихов Бродского у вас наверняка с собой. Младший брат, может быть, на поводке выгуливается, и синими глазами вы всматриваетесь в синюю вымытую солнцем даль Константиновского равелина в надежде, что вот-вот появятся из-за кривого горизонта алые паруса. А вместо этого неожиданно к Графской пристани причаливает катер из Голландии, и оттуда, мать моя женщина, высыпают на площадь, как горох, сто капитанов Греев. Ну, может, и не Греев, но тем не менее. Вот что бы вы на месте этой крайне юной особы сделали в данной ситуации? Грохнулись бы в обморок от невозможности разворачивающихся перспектив!

Поэтому, чтоб помочь юным особам и уберечь их хрупкую психику, любой курсант стремится стать красивее своих однояйцевых ксерокопий всеми доступными ему способами. Способов этих мало, и все они вызывают некоторые вопросы с точки зрения взрослого дяденьки гражданского исполнения. Первый — военная форма. В начальные годы своего окукливания военно-морской курсант редко ходит в гражданской форме одежды, а военная, естественно, у всех одинаковая. Но если вы думаете, что фантазия молодых людей так же бедна, как колхоз после продразвёрстки, и они не знают, как её украсить, не сильно отходя от устава, то глубоко заблуждаетесь.

На форму можно вешать всякие значки — например, о спортивных достижениях. Или донорский, на крайний случай. Потому что красная капля крови на могучей груди синего цвета выглядит хорошо, если вы, конечно, пока дурачились с друзьями в катере, не повесили её на то место, где у обычных брюк ширина, а потом забыли снять и едете такой в троллейбусе в Камышовую бухту. Тогда на чёрном фоне она выглядит ещё пикантнее, да и внимания привлекает намного больше — можете не проверять, точно вам говорю. Но это внимание несколько другого сорта, хотя при должной сноровке и его можно развернуть в нужное русло.

Бляха. В смысле, на ремне которая. Для повышения красоты её нужно начистить до зеркального блеска зубной пастой и разогнуть до плоского состояния. Чем сильнее разогнул, тем красивше.

Бескозырка. Головной убор прекрасен, как утро в горах Арарата, но и его не обходит стороной тяга к украшательству. Для того чтоб нравиться девушкам, курсанты вытаскивают одну пружину из чехла, укорачивают её и загибают углом на том месте, где будет центр лба, а потом вставляют в околыш и ждут аплодисментов, гордо называя это «утюгом». Но тут надо быть внимательным: пока едешь в катере, ваши, с одной стороны — друзья, а с другой — петросяны доморощенные могут ножничками укоротить вам ленточки и сделать на них вырезы, как у Дональда Дака. Или настругут их так, что якоря будут болтаться на тоненьких ниточках. Это смешно, и все вокруг будут радоваться, глядя на вас. Но с точки зрения привлечения противоположного пола работает это плохо.

Гюйс. Не менее прекрасная часть формы, чем бескозырка. В гюйсе для повышения его красоты главное, чтоб он был как можно сильнее застиран и превратился из синего в бело-голубой. Тогда ты красив, как морской чёрт на отдыхе в Гаграх. Вот, в общем-то, и все более-менее законные способы украшения себя сверху, доступные молодым организмам, ужаленным Романтикой в крепкие ягодицы.

Остаётся позаботиться о том, что под формой. Всех курсантов круглый год и ежедневно гоняют на зарядку в трусах и ботинках. Кроме того, у них постоянно проходят занятия по физкультуре, по которым они каждый семестр сдают зачёты. Не сдал зачёт — не поехал в отпуск. То есть в основном курсанты, хотя бы они того или нет, выглядят стройно, подтянуто и быстро бегают, особенно от патрулей. Просто так не выделиться из их среды. Из средств обольщения остаётся загар и растительность на лице. Ну и загар преследовал в наше время чисто утилитарную цель — когда курсант раздевался где-нибудь летом, то сразу было видно по характерному загорелому треугольнику на груди, что он — курсант.

Какой-то придурок однажды сказал, что подсолнечное масло очень помогает для равномерности загара и необыкновенно золотистого его цвета. Ну и все, как обезьяны, естественно, начали проверять это на себе эмпирическим путём. Мы со Славиком тоже решили, что не лохопеты же мы без масла загорать — как белые вороны ведь будем, и пошли на камбуз с баночкой из-под майонеза.

— Да вы ебанулись, что ли, все в этом году? — заорала на нас повариха. — Вот раньше — то хлеба просили, то мяса, то макарон! А теперь все за маслом бегают, как полоумные!

— Да тётенька, да вам жалко, что ли? — заныли мы со Славиком.

— Ох... сиротинушки, — вздохнула тётенька размером с меня, Славика и ещё одного Славика. — Да чё ж жалко-то! Давайте — налью.

С заветной баночкой с маслом и с одеялами под мышками мы залезли на крышу нашего пятиэтажного факультета. Был уже поздний май, деревья с травой ещё не выгорели, но жарило от души. А на рубероидной чёрной крыше, намазанные подсолнечным маслом, мы чувствовали себя вообще как стейки на гриле.

— Ну чё, Славон, как ты? — мне было откровенно скучно, жарко и неудобно.

— Да шиплю, как котлета! Минут через пятнадцать можно будет мазать горчицей и есть!

Мы подошли к парапету, где хоть немного была иллюзия движения воздуха, и стали любоваться видом. Севастопольская бухта очень красива, особенно летом. Перед нами стоял практически весь Черноморский флот, включая боевой крейсер «Слава» и злополучный «Москва» (на нём всё время что-то горело, взрывалось и шастали привидения). Шла подготовка к параду, и во все стороны шныряли, пока довольно хаотично, катерки, лодки, военные корабли, а морские пехотинцы в белых чехлах от бескозырок плыли дружной стайкой, всем своим видом презирая всякую опасность вокруг.

— Красота! — вздохнул Слава.

— Просидел бы тут всю жизнь?

— Тёлку бы какую только.

— Молоко доить?

— Не. Человеческую. Надо же стихи кому-то читать вслух, правильно? Какой иначе смысл тут сидеть всю жизнь, если даже и стихов почитать некому?

— Ну, мне почитай.

— Не-е. Тебе неинтересно читать. Ты восхищаться не будешь и заламывать руки от восторга.

— Не буду, само собой, я ж лучше стихи читаю, чем ты!

— Зато я на гитаре три песни играть умею!

— Ну да — тут у меня шансов нет, согласен! Слушай, я сварюсь сейчас. Может, ну его в жопу, загар этот, раз мы с тобой полны талантами, как чаша Диониса?

— Бля, наконец-то ты это сказал! Бежим отсюда!

А потом же ещё надо было помыться. Естественно, горячей воды летом в училище не было отродясь. Зато как можно было наораться, пока отмывал с себя масло! Красота, да и только!

Растительность у нас осталась. Тут шибко не разгонишься, конечно. В уставе же написано, какая причёска должна быть у воина: короткая, аккуратная и с кантиком. Но всё равно умудрялись, да. В основном брали своё за счёт чёлка — они чаще всего под головными уборами, и можно было дать волю фантазии (не раньше третьего курса, естественно). Так и ходили — зад и бока чуть не бритые, а спереди какой-нибудь локон страсти сантиметров на двадцать-тридцать и лезвие в ремне, когда идёшь на развод в комендатуру. Ну, про усы я промолчу, так как если бы у меня были такие полномочия, то я этот ген у мужчин удалял бы насильственно.

Борода. Прямо она не запрещена в военно-морском флоте, но, по соображениям здравого смысла, на подводных лодках носить её крайне не рекомендуется — из-за неё маска изолирующего противогаза плотно не прилегает к лицу, и внутрь попадают продукты горения, включая угарный газ: два полных вдоха — и смерть. Курсантам она тоже прямо не запрещена фразой «Ношение бороды запрещено». Но это, скорее всего, просто потому что — ну кто может подумать, что юноша в здравом уме станет отращивать себе бороду? Но были и такие, да, именно потому, что тяга к украшению себя для повышения шансов на спаривание не имеет границ разумного.

Курсант Лёша не сказать что был красив, как картинка. Худой, сутуловатый, с квадратной головой и огромными залысинами, которые начали расти у него в восемнадцать лет. Ещё и заикаться начинал, когда волновался. А если бы каждый из вас так любил Родину, как Лёша любил женщин, то мы давно уже догнали бы Америку, перегнали её и забыли о том, что она была. Перед началом долгожданного третьего курса мы собирались после отпуска, и тут появился Лёша с бородкой, как у Владимира Ильича, только жиденькой и серой. Выглядело это до невозможности смешно, убого и отвратительно, но Лёша ходил гордый, как павлин в саду у шейха. До первого общего построения роты.

Мы стояли в ласковом августовском воздухе, предвкушая резкое увеличение свобод и глотая слюну от надвигающихся возможностей. Перед строем расхаживал старшина роты, поглядывая на Лёшу. В одной руке у него был блокнот с ручкой, а другой рукой он хаотично размахивал. Я тогда ещё подумал, что как у него это получается: размахивать рукой можно или в такт шагам, или в такт речи, но вот так, чтобы ходить в одном темпе, говорить в другом, а махать — в третьем, это же форменная эквилибристика без страховки.

— Та-а-ак! Рад вас видеть, хотел бы сказать вам я. И я действительно несколько рад, потому что без вас мне всё лето было скучно — некого было унижать, не над кем было издеваться и меня почти никто не ненавидел. От чего, не скрою, чувствовал я себя неудобно! У вас, конечно, сейчас начнётся полная лафа, с точки зрения первокурсников. Если вы будете хорошо учиться и не будете меня злить, то в увольнения я вас буду отпускать чаще чем раз в неделю, и даже иногда с ночёвками. Так что

срочно ищите себе тёток и женитесь на них! Быстрее начнёте — больше попыток успеете сделать до конца жизни. Ну, это касается, конечно, всех, кроме курсанта Карпова!

— Прошу разрешения! — не выдержал Лёша и попался в эту ловушку. Он-то подумал, что если его до сих пор не застроили за бородку, то всё — прокатило. — А почему кроме меня-то?

— Ну, потому что, курсант Карпов, все вы бегаєте в увольнения с единственной целью — найти себе бабу. А так как ты себе пизду на лице отрастил, то баба тебе, следовательно, и не нужна!

Смеяться же в строю нельзя, иначе это не строй, а рой уже получается. Но когда хочется, то можно только в себя, поэтому все начали булькать горлами и надувать щёки.

— Что за ржание, как от полка гусарских коней? — на крыльцо вышел наш командир.

— Да вот, на Карпова люблюемся и не можем сдержатъ эмоций! — доложил старшина.

Командир был хмур. Фуражку он обычно носил, сильно напаялив её на глаза, а сейчас так она вообще у него козырьком на переносице лежала.

— Карпов. Пять минут тебе даю.

— Тащ командир, а у меня бритвы нет, я ещё из дома её не принёс, — вяло попытался сопротивляться Лёша.

— Можешь взять мою зажигалку.

— Или моё вафельное полотенце! — добавил старшина.

— Тащ командир...

— Четыре с половиной минуты, — и командир посмотрел на свои наручные часы, естественно, «Командирские».

Лёша убежал в общежитие, а командир спустился с крыльца к старшине.

— Ну что, ты всё сказал?

— Ну так... На полшишечки.

— Я тоже рад вас видеть, товарищи курсанты! Вы заметно повзрослели с момента нашей первой встречи. Возмужали. Похорошели. Жаль, ума не набрались пока, но тут уж я постараюсь вам его вдолбить!

— Толстой! — на крыльцо вышел начальник факультета. — Беги в учебный отдел, срочно, я тут за тебя доебу их!

— Что-то вас до хуя осталось после двух курсов! — начальник факультета стоял напротив строя, заложив руки за спину. — Я думал, что мы суровее будем прорезживать ваши ряды. Ну, ничего. Вы не расстраивайтесь и не думайте, что высшая математика — это самое страшное, что случалось в вашей жизни. Сколько вас тут осталось, человек восемьдесят? Могу поспорить, что до выпуска больше пятидесяти не дотянет!

— Прошу разрешение стать в строй! — подскочил Лёша с окровавленным лицом.

— Старшина, аккуратнее бить надо, сколько я вас учить ещё буду: чтоб следов не оставалось!

— Тащ капитан первого ранга, а это не я!

— А чего тогда он у вас в крови весь? Драчун?

— Ну... смотря от какого слова корень брать, а так просто ошибка эволюции!

— Как и все остальные?

— Так точно, только более ошибочная!

— Ну становись, конечно, в строй, а то через дырки поддувает друзьям твоим в строю-то.

А потом Лёша прочитал в газете, что раннее облысение бывает от избытка тестостерона, и прекратил попытки украшать себе чем-то ещё. Жаль только, что девушки эту газету не читали, судя по всему.

Ну вот. В этом месте уже можете начинать плакать. И ещё (в основном к прекрасному полу обращаюсь), когда увидите на улице курсанта первого-второго курса (худенький, ушастенький, несколько несуразный, на рукаве одна или две галочки) — улыбнитесь ему, хоть слегка. Вам это пустяки, а ему передышка в борьбе с эволюционными ошибками.

Мимозы и нутрия

А вы ели когда-нибудь крыс? Ладно, я перефразирую вопрос: а голодали ли вы когда-нибудь настолько, чтоб забыть о своей брезгливости и вспомнить о том, что такой вид животного, как человек, выжил в том числе и благодаря тому, что всеяден? Хорошо, если нет, но жалко, если да.

Курсант, как и студент, всегда голоден. Особенно первые два-три года. Потом это проходит как-то само собой — то ли организм перестаёт активно расти, то ли приспосабливается получать питательные вещества из поцелуев прекрасных принцесс, я точно не знаю, но факт такой имеет место быть.

Чтоб долго не объяснять и не тратить ваше драгоценное время на слежение за растеканием моей мысли по дереву, просто скажу, что кормили курсантов на рубеже 80—90-х годов говном. И того давали мало, кстати. Вот вы ели коров из н/з¹ СССР? А я ел. Непередаваемые ощущения, когда ты грызёшь жилы этого благородного животного, которое трескало ромашки ещё до того, как твои папа с мамой познакомились! А гороховое пюре из концентратов! Я когда первый раз увидел этот зелёный блин на дне котелка, даже не понял, что это такое там лежит. Ткнул в него вилкой, оно недовольно заворчало и тут же восстановило первоначальную форму, загладив четыре вмятины от вилочных зубцов. И я, вздохнув, попробовать его так и не решился.

Чуть легче было летом и пока совсем не развалился Советский Союз. Летом можно было есть шелковицу и ходить с чёрными губами или грецкие орехи и ходить с чёрными руками. С грецкими орехами вообще смешно вышло первый раз. Заступили с другом Славой в парно-пожарный досмотр ночью. Естественно, первым делом начали искать, что бы нам пожрать. Ну и Славик предложил орехами брюхи набить. А я же из Белоруссии, я же в глубине своей крестьянской души думал, что грецкие орехи растут в посылках из Узбекистана, высушенными и без кожуры, поэтому очень удивился, когда, проснувшись утром на лавочке, обнаружил, что у меня чёрные руки. Потом посмотрел на руки Славика и успокоился — вдвоём-то умирать не так страшно.

А пока не развалился СССР, нам из дома слали посылки с едой. Посылку нужно было сначала предъявить старшине роты. Но ничего такого, о чём вы могли подумать: продукты он, естественно, не забирал, а просто проверял отсутствие вредных для курсантского организма веществ: водки, наркотиков и гражданской формы одежды. Помню, как он однажды удивился, увидев у меня в посылке банку шпротов.

— Это что, ШПРОТЫ?

— Ага.

— Уже даже не помню, как они выглядят... Дай хоть посмотрю!

— Да заберите себе. Отнесите домой, семью угостите!

— Охуел ты? Мне не положено!

— Тащ мичман, ну что нам эта банка на шестерых? Тока форму одежды маслом запачкаем!

— Да не. Не.

— Ой, да берите уже! Честно, как маленький.

— Ты как со старшим мичманом разговариваешь, гад?

— Ртом в основном.

— Блядь. Не могу удержаться от этого соблазна. Но! Наряд вне очереди за сон на посту я с тебя хуй сниму!

— Говно вопрос! Мы забудем об этой истории, как только я выйду за дверь!

— Свободен!

А в каюте меня уже ждали пятеро моих товарищей с хлебом, заранее принесённым с камбуза, и полными зобами слюны. И знаете, нам было так весело и приятно в тот момент, такое душевное

¹ Н/з — неприкосновенный запас.